Уильям Теккерей

Новые романы

Перевод с английского
Раисы Бобровой

ФТМ

Уильям Теккерей

Новые романы

«ФТМ»

Теккерей У. М.

Новые романы / У. М. Теккерей — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2831-2

"Новые романы" - сатирическое эссе писателя в переводе Раисы Сергеевны Бобровой в ответ на критические отзывы о романах самого Теккерея и в продолжение литературной дуэли с Чарльзом Диккенсом.

ISBN 978-5-4467-2831-2

© Теккерей У. М.
© ФТМ

Теккерей Уильям Мейкпис
Новые романы

ПРЕДПОСЛАНИЕ: Получив у себя в Швейцарии посылку от мистера Йорка с только что вышедшими романами, мистер Титмарш предлагает Оливеру следующее сочинение, в котором он разбирает эти романы, а также касается ряда иных интересных вопросов. Он пишет о строгости критиков; о своем намерении исправиться в этом отношении; о природе поэтов; об ирландцах; о Гарри Лорреквере, которого считает сентиментальным писателем; о критиках Гарри; о «Томе Бэрке»; о Рори О'Море; о Юном Претенденте и Герцоге Бордосском; о движении в Ирландии за отмену Унии и песнях ему посвященных – относительно одной из них он обращает к Рори О'Мору слова мягкого упрека. Он упоминает и другие романы, оказавшиеся в посылке, а именно «Сына скупца» и «Берлинского бургомистра». В заключение он говорит несколько теплых слов о Бозе.

Уважаемый сэр, несколько лет тому назад – совсем недавно – в годы нашей жаркой юности, когда правил Вилли IV, среди молодых и пылких гениев, украшавших своими бойкими писаниями страницы нашего Журнала, было принято безжалостно высмеивать почти всех писателей Англии, пренебрежительно отзываться о их эрудиции, подвергать сомнению их талантливость, издеваться над их ошибками – историческими, поэтическими, грамматическими и стилистическими; читателю, таким образом, предоставлялось сделать вывод о нашем (критиков) несравненном превосходстве во всех тех областях, где мы видели несовершенства других. Я говорю нашем, поскольку нижеподписавшийся Майкл Анджело не хуже иных управлялся с томагавком, и в его вигваме тоже висит несколько засушенных скальпов.

Эти времена, дорогой Йорк, отошли в прошлое. Когда я в минувшем году приехал в Лондон, я нашел в Вас большие перемены: Вы потолстели (простите, что я об этом говорю) – потолстели и возлюбили мир и спокойствие. К Вам на колени весело карабкались Ваши дети. Вы не считали недостойным себя намазать им хлеба с маслом, и, глядя на Вашу добрую улыбку, я понял, что и Вы познали прелесть «млека человеческой доброты», которая в юности нам кажется пресной и бесцельной, но которую мы выучиваемся ценить с наступлением зрелости. Ибо благожелательность – это самое здоровое состояние человеческого духа; если она и не порождает буйного подъема, вызываемого более сильными эмоциями, в ней есть свое тихое веселье, куда более приятное, подлинное и долговечное чувство, чем опьянение шипучим настоем сатиры; а главное, человек просыпается на следующее утро без жара и головной боли, не пугаясь смутного воспоминания о незаслуженно переломанных в порыве сатирического исступления костях подвернувшейся под руку жертвы. Вы смягчились душой – все мы смягчились душой. Как-то я встретил Моргана Рэттлера, который нес под мышкой деревянную лошадку для своего сынишки. Став мужьями и отцами, мы уже не в состоянии нападать на других мужей и отцов.

Кроме того, достигший зрелости ум задается следующим вопросом. Допустим, критик, считая А и Б заслуживающими истребления тупицами, разносит их в пух и прах; вытекает ли, однако, из этого, что читатели приветствуют его истребительную деятельность и что усилия критика вызывают их восхищение? Ныне, повзрослев и остепенившись, я склонен думать, что публика без особого восторга взирает на подобное членовредительство и что она относится к размалеванным боевой краской воинам прессы (только не примите это сугубо на свой счет) так же, как к молодым повесам-аристократам, которые несколько лет тому назад любили развлекаться, пробивая головы полицейским и окрашивая аптеки в гороховый цвет, – может быть, она и забавляется их выходками, но уж, конечно, не испытывает к ним ни симпатии, ни уважения. И, подобно молодым аристократам, признавшим справедливость общественного мнения и удалившимся в свои поместья, управлением и совершенство-

ванием которых они сейчас мирно занимаются, юные графы и маркизы при дворе Регины на Риджент-стрит занялись мирной обработкой плодородной литературной нивы и выращиванием сочных плодов благожелательной мысли. Лично у меня неплохо продвигается работа по дифференциальному исчислению; и мне кажется, я не выдам секрета, отметив, что Ваш перевод первых ста девяноста шести глав «Махабхараты» прольет новый свет на живо интересующий Англию предмет, а именно, санскритскую теософию.

Это предисловие, несомненно, подготовило Вас к чрезвычайно гуманному и хвалебному отзыву о пачке книг, которые Вы так любезно мне прислали и в которых есть, без сомнения, много такого, чего критик не стал бы писать (по причине своего необычайно тонкого вкуса и обширных познаний), но есть, между нами, много и такого, чего критик не смог бы написать, даже если бы и захотел; оценивая художественные произведения, критики порой забывают об этой истине. Деревенский мальчишка, нанятый за два пенса в неделю отпугивать камнями скворцов, может, порой и попадет камнем в птицу, но, если бы ему вздумалось самому влезть на куст и попытаться петь, его музыкальные потуги выглядели бы довольно жалко и он был бы осмеян даже самыми тупыми парнями в деревне; точно так же и критик, бросающий камни в поэта… Но мне кажется, что сравнение настолько очевидно, что его не стоит продолжать – искушенный человек вроде Вас поймет его и так.

Дело в том, что скворцы-поэты – безобидные нежные пичужки, сидящие на живых изгородях и щебечущие по велению своей природы (они так же не могут не петь, как цветок не может не издавать аромата), подвергались слишком жестокому обращению со стороны сторожей-критиков, которые обожают швырять в бедных пташек камнями, притворяясь, что в этом заключается их долг и что каждый щегол или воробушек, того и гляди, истребит целое пшеничное поле или превратится в чудовищного стервятника. Давайте же оставим эти недостойные упражнения и жестокие забавы юности и обратимся душой к благодушной философии зрелого возраста.

Основным свойством ирландского народа и ирландских писателей, которое осталось незамеченным англичанами, является, на мой взгляд, меланхолия. Все ирландские анекдоты грустны, так же как и ирландские шуточные песни; они никогда не вызывают взрывов смеха, а скорей располагают к слезам; начиная с «Ракрентского замка», все прочитанные мной ирландские повести всегда навевали печаль. Книги мистера Карлтона – а он, несомненно, величайший изо всех авторов, писавших про Ирландию, – оказывают такое же действие. То же самое можно сказать о лучшем романе Гриффина «В колледже»; и меня всегда удивляло, почему большинство английских критиков находят смешными трогательные повести Гарри Лорреквера и не видят скрытой под налетом комизма грусти. Самая веселая из известных мне ирландских песен «Ночь перед тем, как вздернули Ларри» ни на секунду не дает вам забыть о казни, которая должна состояться на следующее утро. «Рощи Бларни» – сочнейший набор нелепостей со времен Рабле: но вы не находите, что от этих нелепостей щемит на душе? Глупые шутки произносятся с грустным видом и под звуки самой тоскливой музыки: они действуют на вас так же, как остроты шута короля Лира. То же впечатление производит ирландский пейзаж. Можно пройти всю Ирландию и не увидеть ни одной улыбки природы; тогда как в Англии в пяти милях от любого места, где читают эту статью, вы обязательно натолкнетесь на уголок, сияющий в своей бесхитростной простоте довольством, радушием и весельем. В Ирландии же самые красивые и живописные места всегда представлялись мне невыразимо печальными, так же как и живущие там люди. Но мы в Англии раз и навсегда составили себе мнение об ирландцах и, подобно героям известной басни, собравшимся посмотреть на человека, который подражал свиному хрюканью (не поймите только, что я хочу сравнить ирландцев со свиньями, я просто говорю о тупости саксонцев), мы предпочитаем выдуманного нами ирландца настоящему и упорно смеемся над каждым его словом и поступком, не обращая внимания на настроение бедняги. Изобразив ирландцев в

подобном ложном свете, авторы романов и драм совершили по отношению к ним страшную несправедливость (как и все прочие англосаксы, скажут приверженцы О'Коннела). Сколько неправды об ирландцах внушил английскому зрителю бедняга Пауэр! Насмотревшись его пьес, лондонский простолюдин воображает, что ирландец пребывает в состоянии непреходящего веселья, что Падди вечно в вихре полупьяной приподнятости, что он только и делает, что орет развеселые песни и откалывает сумасшедшие шутки; что это существо, которому совершенно чужды притворство и расчет; только побывав в Ирландии, англичанин узнает, как эти шутки притворны, сколько грусти в этом комизме, как обманчива и непостоянна эта буйная веселость, которая будто бы является привычным состоянием духа ирландца. Взять хотя бы знаменитого сэра Люция О'Триггера в пьесе Шеридана «Соперники», остроты которого вызывают у нас такой восторг. Это самый жизненный образ из всего странного сборища распутников и обманщиков, которое населяет пьесы Шеридана, и, на мой взгляд, исполненный самого беспредельного уныния. Все шутки бедного ирландского рыцаря – лишь маска. На протяжении всей комедии он непрестанно лицемерит, и его юмор столь же призрачен, сколь и его поместье в Ирландии. Он смешит других, но не смеется сам, как смеются Фальстаф, Сидней Смит и другие весельчаки английского склада.

Посему, когда читатель узнает из «отзывов прессы» на книги мистера Левера, что критики из «Донкастер Аргус» «держались за бока от смеха, читая последний выпуск «Нашей кают-компании», а обозревателей «Мэнкс Меркури» остроты «нашего друга Гарри Лорреквера заставили кататься по полу», а редакторы «Вангэ бикон» были вынуждены послать за двумя мальчишками-подручными из типографии, чтобы те не дали им рассыпаться от смеха, читая веселейшие рассказы «Чарльза О'Мэлли», то пусть помнит, что подобные критические отзывы немногого стоят. Невозможно беспрерывно хохотать на протяжении тридцати двух страниц. Настоящая юмористическая книга вызывает смех лишь время от времени. Большая часть смешной книги должна быть выдержана в спокойных тонах; и если мне будет позволено выразить свое мнение о Лорреквере после всего того, что было сказано в его защиту и осуждение, после того, как англичане объявили его заправским весельчаком, а ирландцы обрушились на него с бранью за то, что он якобы выставил их на всеобщее осмеяние, то я хотел бы без запальчивости возразить обеим сторонам и выразить мнение, что отличительной чертой этого автора является не юмор, а чувствительность – ни больше, ни меньше, несмотря на бесшабашное веселье и горлодерство, на песни Мики Фри, на кавалерийские атаки, драки и скачки по полям за лисицами – что основным свойством романов Лорреквера мне представляется душевная тонкость, мягкость и доброта. Его веселость – в большинстве случаев напускная, под ней скрывается печаль, что на мой взгляд характерно и для прочих ирландских писателей и вообще для всего ирландского народа.

Некоторые ирландские критики восстанут против этого парадоксального утверждения и самого существа данных заметок. Ибо если в Англии по адресу Лорреквера раздавались почти одни похвалы, у себя в стране он явился мишенью ожесточенных нападок; сам мистер О'Коннел возглавил поход против этого кроткого писателя, обрушив на него проклятия с кафедры Хлебной биржи. Весьма странная тема для выступления государственного деятеля! Это все равно как если бы сэр Роберт Пиль вдруг занялся в палате общин подробным разбором «Мартина Чэзлвита», или американский президент вздумал в тридцать четвертой колонке своей речи выразить неодобрение «Сэму Слику», или лорд Бруэм выступил с нападками на мистера Альберта Смита в Тайном совете!

Великий критик из Хребной биржи заявил, что Лорреквер представил в ложном свете ирландский национальный характер, который он (критик из Хлебной биржи) старается возвысить своими выступлениями и поступками. По этому сигналу либеральные ирландские журналы напали на бедного Гарри с остервенением, которое нам трудно представить, ибо у нас в стране мало кому приходится читать труды наших ирландских собратьев по перу.

Прочитав филиппики «Нейгин», вы вообразили бы, что Лорреквер закоренелый предатель и враг, достойный петли и костра! О критик-патриот! Как он похож на Брута своей готовностью идти на жертвы! Как благородно-независимы его суждения! Как чужда ему зависть! Как радуется он успеху ближнего! И тем не менее как охотно он (заботясь о благе общества – исключительно лишь о благе общества) забрасывает грязью своего лучшего друга и приятеля! Хотя он знает, что успех одного писателя – это успех всей писательской касты, что, когда возвышается один, с ним вместе возвышаются десятки других, что сочинительство, до недавних пор не пользовавшееся уважением и не приносившее верного куска хлеба, может стать надежной и уважаемой профессией, только если кто-то из писателей добьется действительно крупного успеха, и что, следовательно, каждый, живущий своим пером, должен поддерживать усилия и радоваться успеху своего собрата, тем не менее профессиональные литераторы настолько тверды в республиканских убеждениях, что отказываются признавать чьи-либо заслуги, помогать друзьям и допускать, что кто-то более талантлив, чем остальные. И вот ирландская пресса сегодня травит представителя писательского звания, достигшего наибольшего успеха в своем деле. Когда вышли его книги, они всем понравились; и тори и либералы восхищались этим добросердечным писателем, который никого не задевал и всех забавлял. Но издатели продали двадцать тысяч экземпляров его книг! С этого момента он стал чудовищем; он был обречен; если бы человек мог умереть от брани в статьях, Гарри Лорреквер давно бы уже испустил дух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.